

Глава 4.2 Хоу Сюаньпин

Хоу Сюаньпин, суровый и справедливый по природе, был строг со всеми своими детьми, включая единственного сына, Пэй Цзи. Но внезапные объятия дочери затронули нежные глубинные струны его сердца.

Он недовольно поглядел на наложницу Ли, спешившую к ним.

– Что Саньнян натворила, что ты решила побить этого ребенка?

Рот наложницы Ли словно наполнился горечью.

– Хоу, я люблю третью барышню сильнее всего на свете, она моя жизнь. Если бы она не убежала сегодня играть на берег пруда Чэнмин, я бы так не злилась. Я хотела просто напугать ее, как бы я посмела ударить ее? Третья барышня, быстро иди сюда, не мешай отцу.

Пэй Юаньси испуганно замотала головой.

– Не пойду с тобой! Ты злая тетка, я хочу остаться с папой!

Зрачки наложницы Ли угрожающе задрожали, она сжала руки и упала на колени, готовясь умолять.

Чувствуя, что его сердце расплавилось в любящих объятиях дочери, хоу Сюаньпин припомнил, как Саньнян любила обнимать его, будучи ребенком. Он учил ее писать, когда она сидела у него на коленях. Еще сильнее охладев к наложнице Ли, он велел ей уйти и решил провести время с Саньнян.

– Стой на коленях, если тебе хочется. Сколько угодно.

Лицо наложницы Ли побледнело еще сильнее, когда она взглядом провожала Пэй Юаньси и Пэй Цзи до кабинета их отца в главном дворе.

Этот внешний кабинет был местом, которое маленькая Пэй Юаньси часто навещала в детстве. Тогда только ей да Пэй Цзи разрешалось сопровождать хоу сюда, а нынче – только Пэй Цзи. Выросший под рукой хоу и на его примере Пэй Цзи походил на отца не только внешне, но и темпераментом.

Пэй Цзи не испытывал особой привязанности к своим сестрам, даже старшей, с которой у него была общая мать. Но так как в детстве он проводил довольно много времени вместе с третьей сестрицей, с ней у него была самая сильная связь.

Когда Саньнян потеряла разум, он приходил к ней несколько раз, однако из-за уговоров наложницы Ли и возражений собственной матери, в конце концов это прекратилось. Но за все эти годы он часто вспоминал третью сестру и навещал ее изредка. Он смотрел, как она играет в грязи, ловит жуков в траве – нисколько не похоже на того умного ребенка, которого он помнил.

Пэй Цзи охватывала печаль и чувство глубокого сожаления.

Пэй Юаньси нашла, куда присесть, и он с любопытством спросил:

– Сестра, ты все еще помнишь, где прежде сидела?

– Да! Это мое место, а братик сидел вон там.

Пэй Юаньси удивился еще сильнее.

– Неужели ты полностью выздоровела?

Хоу Сюаньпин также был удивлен. Для того, кто потерял разум десять лет назад, помнить, что тогда происходило было невероятно. Возможно, девочка была не так глупа, либо начала восстанавливаться.

– Саньнян, иди сюда. Напиши несколько слов, а я посмотрю.

Пэй Юаньси послушно подошла, взяла кисть и, окунув ее в тушь, уверенно вывела несколько иероглифов на белой бумаге сюань*. Ее движения были ловкими, а каллиграфия – изящной и грациозной, несущей в себе ауру утонченности и очень подходила Пэй Юаньси.

п/п бумага сюань/шуаньская бумага/рисовая бумага – качественная бумага с особо гладкой поверхностью и плотной текстурой, идеально подходит для каллиграфии и живописи

Хоу Сюаньпин с трудом мог поверить, что это слова, написанные его дочерью. Десять лет назад, когда Саньнян училась у него письму, она была, несомненно, способней, чем многие дети ее возраста, но тогда ее почерк все еще был детским, неуверенным и неразборчивым.

Если бы он не видел это своими глазами, он ни за что бы не поверил, что все это написала его Саньнян. Такой стиль и характер нельзя развить за одну ночь!

Пэй Цзи тоже изрядно удивился. Он думал, что его третья сестра позабыла все, чему их учил отец. К его изумлению, она не только помнила, она и продемонстрировала такую выдающуюся каллиграфию!

Он пытливно изучил ее письмо и не мог не устыдиться. Невзирая на годы обучения отца, его собственный почерк бледнел в сравнении с рукой сестры.

- Твоя каллиграфия великолепна! Сестра, я пристыжен, – признался Пэй Цзи.

Пэй Юаньси несильно подергала его за рукав, сияя от удовольствия.

- Мой братик – лучший братик в мире!

Вся горечь в сердце Пэй Цзи рассеялась, как не бывало.

- А моя сестра – лучшая сестра в мире.

Сидя вот так вместе, они вызвали у хоу Сюаньпина воспоминания о прошлом, когда он был счастливее всего в семейной жизни. Не то, чтобы он не любил остальных дочерей, но ни одна из них не тронула его сердце, как Саньнян.

- Саньнян, скажи, как тебе удалось так красиво все это написать? – с предвкушением спросил хоу. Пэй Юаньси склонила голову на бок.

- Я рисовала слова водой и на земле. Папа учил Саньнян, Саньнян ничего не забыла!

Хоу Сюаньпин ощутил горько-сладкую смесь радости и сожаления. Даже если сейчас это дитя было умственно-отсталым, она все еще помнила, чему он ее учил. С детства она была одаренным ребенком и даже сейчас превосходила многих других. Если бы тогда она оставалась рядом с ним, то при ее природном таланте она, несомненно, достигла бы высочайших успехов в каллиграфии и рисовании.

Это была его дочь, его умница-дочка. Если бы Ли не пренебрегала своими обязанностями, разве могла она так пострадать? Эта женщина, Ли, действительно лишала дара речи!

- Драгоценное дитя, это отец задержал тебя***. Отныне ты будешь приходить сюда каждый день и продолжать учиться читать и писать, хорошо?

Пэй Юаньси энергично закивала:

- Саньнян хочет быть с папой и старшим братиком!

- Чудесно, чудесно! – хоу Сюаньпин был рад без меры.

Когда он отправил слугу, чтобы тот проводил ее во двор наложницы Ли, он заодно приказал

объявить об этом. Так что вскоре все в поместье знали, что третья барышня, которую считали дурочкой, снова будет учиться под руководством своего отца.

И все, включая госпожу Шэнь, были глубоко озадачены решением хоу.

Оказывая уважение главной жене, приняв такое решение он, естественно, в первую очередь рассказал ей об этом, в итоге оставшись у нее на ночь. Когда он пересказывал события дня, его голос дрожал от восторга. И все же, упомянув наложницу Ли, он не смог скрыть недовольства.

Госпожа Шэнь вступилась за наложницу, сказав, что та просто беспокоилась за благополучие Саньнян. Хоу ничего на это не ответил: к действиям наложницы Ли в самом деле нельзя было придраться, но она все еще раздражала.

Наложница Ли простояла на коленях в переднем дворе, пока хоу, отправляясь провести ночь с госпожой Шэнь, не приказал ей встать.

Когда она вернулась к себе, Пэй Юаньси уже спала. Хуан подхватила наложницу под руки и спросила, не хочет ли та съесть что-нибудь. Слабым взмахом руки Ли отослала ее, сказав, что сперва хочет увидеть дочь.

Пэй Юаньси спала совсем не грациозно, она раскинулась по кровати в поисках прохлады, пинками отбросив одеяло в сторону.

Ли осторожно потянула одеяло, укрывая Пэй Юаньси от ног до макушки, спящая девочка ничего не заметила. Она прижала одеяло к кровати по бокам от головы девочки и едва слышно прошептала:

– Как хорошо, если бы ты навсегда осталась наивной дурой!

Девочка завозилась под покрывалом, мотая головой из стороны в сторону, пытаясь освободиться. Ли наблюдала за ее метаниями, отпустив только когда дыхание Пэй Юаньси начало сбиваться.

Получив возможность отдышаться, девочка успокоилась, погружаясь еще глубже в сон.

~~~